

ВЛАДИМИР ЛУКАШУК
ЕЛЕНА ЗУБОВА

ЭЛИКСИР БЕССМЕРТИЯ

18+

Владимир Лукашук
Эликсир бессмертия

«Автор»

2019

Лукашук В. Н.

Эликсир бессмертия / В. Н. Лукашук — «Автор», 2019

Журналист встречается очевидца, видевшего призрак невесты. О девушке ходят легенды в старинном музейном комплексе: там её захоронили с приданным. Герои выясняют истину. Но кто-то тайно преследует их... И, видимо, неспроста с девушкой случилось несчастье? Друзья летят в Гвинею, не зная, какими ужасами чреватые экзотические «отношения» с горячими негритянками... Страшная сила тайного культа настигает их и в Африке, и уже дома. Влюблённый психолог Роднев спасает чужую жену. Его предупреждают: заплатишь за всё! И не зря ли он упорствует? Страдающая без любви Гелла встречается загадочного тренера по цигуну. И она уже рада этому, не догадываясь, какие демоны гнездятся в его душе. Странные преступления совершаются в городе абсолютно невинными людьми. И следователь даже не подозревает, что ввязался в смертельную игру с дьяволом во плоти. Содержит нецензурную брань. В заключении - стихи мистической поэтессы Е. Зубовой.

© Лукашук В. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

ПРИЗРАК НЕВЕСТЫ	6
ЗОВ С ТОГО СВЕТА	29
АФРИКАНСКОЕ ДЕЖАВЮ	34
Часть I. Глаза чёрной любви	35
Глава 1	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Лукашук, Елена Зубова

Эликсир бессмертия

*...А мы бежим за глупой птицей
Сквозь чащу бед, любви, утраты,
С годами не хотим смириться,
Наивность сохраняя в лицах.
И вечной жизни ищем клады...
(стихи неизвестного поэта)*

ПРИЗРАК НЕВЕСТЫ

Сарепта... Странное местечко с библейско-старинным названием.

О, эти мистические извивы истории! Будучи затхлым поселением Финикии, Сарепта вдруг реинкарнировалась через три тысячи лет в совершенно иной стране. И не удивительно ли, что переселенцы Западной Европы решили вдруг поддаться зову российской императрицы и двинуться через гигантские расстояния, чтобы построить здесь свой «град солнца», чьё имя звучало совсем не по-немецки? Они обживали обожжённые солнцем степи и пытались оцивилизовать диких аборигенов, наивно веря, что несут свет и слово божье. А вместо того получили после революции жестокий урок, как на деле строится «новое и справедливое» общество.

Об этом размышлял журналист Владимир Павшук, когда направлялся в музей «Старая Сарепта». Около десятка строений в стиле барокко, когда-то окружённых пустошью, ныне прятались в кварталах современного Волженска. Вдоль дороги поднималась пыль от июльской жары.

«Давненько хотел написать о моей загадочной родине, да всё не получалось, – меланхолично текли мысли в голове журналиста, пока он крутил руль синей «девятки». – В прежние годы о Сарепте замалчивалось, так как много было «неприличного» в советской истории. Позже без меня коллеги растрезвонили, казалось бы, всю подноготную о немецкой колонии, основанной ещё в восемнадцатом веке. Хотя некоторые белые пятна в её истории почему-то больше похожи на чёрные, так как за ними скрываются тьма тайн. Зато теперь подвернулся просто невероятный случай! Что ж, я не упущу возможности написать сенсационный материал».

Павшук свернул налево – на площадь Свободы. Здесь в каре стояли двухэтажные постройки позднего средневековья. Здания имели достаточно аскетичный вид в соответствии с представлениями протестантов-гернгутеров¹. По центру подпирал небо обелиск погибших в Великую Отечественную войну. У его подножия находился давно угасший «вечный огонь». Именно здесь у колонистов журчал фонтан, куда поступала вода с дальней возвышенности Ергени. Напротив памятника возвышалась кирха с большими вертикальными окнами и колокольней с часами. Над ней рассекали воздух крикливые стрижи.

Журналист оставил автомобиль и направился к длинному двухэтажному зданию справа от кирхи. Сейчас в нём располагалась администрация музея, тогда как у колонистов он именовался Домом холостых братьев. У гернгутеров для каждой корпорации (незамужних девушек, вдов, вдовцов и т.д.) был собственный дом, который в наше время назвали бы общежитием. Однако сравнивать проживание в них тогда и сейчас – бессмысленное занятие, ибо все гернгутеры называли друг друга братьями и сёстрами.

В администрации журналиста ждали библиотекарь учреждения Татьяна Михайловна и некий чудак, обещавший поведать нечто сногшибательное. Это «нечто» имело непосредственное отношение к легендам Старой Сарепты.

Нелли. Это имя заставляло волноваться не одного юношу в немецкой Сарепте на Волге. Её красоту было трудно скрыть под весьма скромными одеяниями, которые носили последователи протестантского толка. А все жительницы колонии носили чуть ли не одинаковые длинные платья с белыми передниками, на плечах – большие цветные платки, на головах – чепцы, покрывающие затылок.

Тем не менее, тонкие черты лица с бровями вразлёт выделяли Нелли среди сверстниц. Из-под чепчика девушки выбивались игривые кудряшки блондинки. Её кожа была молочно-белой и чистой. «Настоящий ангелочек! – восклицали многие, видевшие милашку ещё в детстве. – Не хватает лишь крылышек!».

Незаметно девочка уже превратилась сначала в слегка неуклюжего подростка, после – во всё более расцветающую девицу с привлекательной фигурой, которую не могли скрыть складчатая юбка с горизонтальными полосками тёмных тонов и синяя жилетка с серебряными пуговками. Её волосы чуть прикрывались белым чепцом. И девственная красота уже порождала у мужского населения общины отнюдь не святые мысли. Приближалась пора, когда она была обязана выйти замуж. Однако именно это обстоятельство вызывало печаль Нелли. Более того, не печаль – страх пополам с горечью.

– Если бы можно было остановить время! – воскликнула тихо Нелли, глядя в закатную даль. Она сидела на траве вместе с Томасом на берегу Сарпы, впадавшей чуть далее в Волгу. Густой тростник скрывал их от любопытных глаз.

Девушка перевела взгляд на юношу. О, как она сейчас хотела прикоснуться к нему! Нелли очень нравился этот блондин с белесыми ресницами. Он казался ей викингом нордических мифов – с таким же прямоугольным лицом и чуть продолговатым носом, с красиво очерченным ртом.

Обоих едва не околдовывал одуряющий аромат акаций. И может ли быть более замечательное время для любви, чем весна! Но юные сердца сковывали тяжкие цепи традиций: в колонии девушки выходили замуж не по собственному желанию, а так, как решало руководство общины.

¹ Протестантская секта из Чехии (XV в.). Позже распространилась в Европе и во всём мире. Её члены отличались аскетическим образом жизни. В России основали на Волге колонию Сарепта (в черте нынешнего г. Волгограда).

Томас сидел рядом, уткнувшись взглядом в песок. У него тоже не находилось слов, чтобы выразить отчаяние от преграды, которую нельзя преодолеть. Оба должны были подчиниться строгим устоям единоверцев.

– Я люблю Бога больше всего на свете, – с жаром продолжила девушка. – Я знаю, что Он милостив к нам и всегда справедлив. Но почему Он отказывает нам, своим детям, в том, чтобы они соединялись по велению сердца? Не понимаю! Даже русские и ойраты² чаще женятся по любви. Почему у нас это запрещено?

– Меня тоже одолевают подобные мысли, – поддержал её Томас. Юноша был одет в белую рубаху, короткие тёмные штаны и кожаные башмаки, на шее был повязан небольшой платок. – Я едва сдерживаюсь, чтобы не рассказать священнику это на исповеди.

– А я не сдержалась!.. – промолвила Нелли. Её лицо стало пунцовым.

– Ты всё рассказала? – возмутился юноша. Он посчитал это предательством их чистых чувств.

– Извини, – стала оправдываться девушка. – На исповеди я сказала председателю нашей корпорации, что не достойна причастия, так как меня мучают греховные мысли. Но я не открылась, что имею необъяснимые чувства к одному юноше, что тянет к нему против воли, и хочется быть с ним всегда. Боюсь, тогда мне не поздоровилось бы.

Нелли посмотрела на Томаса прямо и тут же отвернулась. Ещё немного, и из её голубых глаз польются слёзы. Она едва сдерживалась, чтобы не кинуться на шею парню. Но разве может девушка позволить себе проявление столь низменных порывов? Им даже нельзя соприкоснуться рукавами!

– Пастор советовал мне отбросить греховные мысли и чувства, так как это не соответствует заветам предков, – закончила Нелли. Она поднялась, отряхнула от сухой травы синие чулки. – Он сказал, что любовь к другому человеку – искус, которым дьявол отвлекает от истинной любви – к Богу. А Ему лучше ведомо, кого с кем соединить. Были уже смотрины, и родители дали, к сожалению, согласие на мой брак с братом Дитрихом.

– Как?! – чуть не закричал Томас. От злости он даже стукнул кулаком по земле. – Этот старый пень уже побывал в вашем доме? Тогда всё кончено...

Он тоже поднялся:

– Боюсь, намерения твоих родителей достаточно ясны. Напрасно уповать на волю Господа, который вразумит твоих родителей. У нас нет шансов соединить судьбы. Что ж, пора идти, чтобы родные не кинулись нас. Мой отец уже сделал предупреждение – мол, часто видит меня рядом с тобой, а это – неприлично. Пойду, помогу ему на мельнице перекидать мешки. Надо это сделать до вечернего богослужения, чтобы после успеть подготовиться ко сну.

Юноша и девушка пошли разными тропками в колонию. Неимоверная тоска одолевала обоих. Лишь последней надеждой загоралась первая на вечерней заре звезда по имени Венера. Скоро небеса совсем посинеют, и тогда она уже станет полноправной подружкой среди подобных в небесном хороводе. А Нелли никак не могла поверить, что она видела Томаса в последний раз.

– И что, так прямо и пропала в закрытых дверях? – Павшук внимательно рассматривал собеседника чуть старше двадцати пяти лет. Этот блондин с прямоугольным лицом, продолговатым носом и белесыми ресницами напоминал скандинава. Однако образ «маршрутчика» совершенно не вязался с содержанием: по поведению – типичный российский раздолбай с забавной фамилией Фыкин. Наверняка, не дурак выпить и потаскаться за девками. Верить ему было трудно.

² Самоназвание калмыков.

Они находились втроём в кабинете Татьяны Михайловны. Но в беседе принимали участие только двое мужчин. Сама благообразная дама с короткой седой причёской и белой блузке с ажурным воротником сидела чуть в сторонке.

Парень, перестав уминать «жувачку», оскорбился:

– Не верите? Я видел её, как вас! В натуре...

Была полночь. Сергей возвращался на своей машине домой после работы. До его дома оставалось два квартала. Он уже хотел сворачивать на улицу Астраханскую, примыкавшей к площади Свободы. Да опять застучал движок, который мучил его целый день.

– Я притормозил. Вышел, поднял капот. Вижу, останавливается у пешеходного перехода легковое авто, – с таинственным шёпотом вспоминает очевидец. – Там подъезд к площади плохо освещён, и не могу сказать, что за модель. Погасли фары, и из машины выходит баба. Я тоже погасил фары, но зрение у меня – как у кошки! И что сразу насторожило – больно странно она одета: в шляпке, длинное платье старинного покроя, фигура стянута корсетом – как рюмка. Машину уже разворачивается и уезжает. Только после я дотюхал, что она уехала без звука!

Водитель опять заработал челюстями, переживая увиденное. Потом продолжил:

– Включил фары ради прикола, и баба частично попала на свет. А-а, теперь понял, что показалось подозрительным! Дамочка была на каблуках, но их стука я тоже не слышал. Через плечо у неё сумочка тоже серого цвета с застёжкой – типа, серебряной. Ещё заметил длинные, распущенные волосы. Не могу утверждать, но при лунном свете они показались блестяще-седыми. Вижу, она направляется в сторону заброшенного дома, где рядом торговый ларёк.

«Он говорит о двухэтажном доме проповедника, – сообразил Владимир. – Тот имеет полукруглое крыльцо в несколько ступенек». Спросил с небольшим нажимом:

– Какие ещё подробности?

– Вот самое интересное! Дамочка двинула к дому. Я слегка подался вперёд, и она поворачивается ко мне... Лица не видно под вуалью, но меня почему-то сразу пробрала жуть! А она поднимается по ступенькам, подходит к двери. Р-р-раз – и растворяется в них, будто нет препятствия. Я покрылся липким потом... Представьте, когда на твоих глазах происходит такая фигня! Я не верил в происходящее. Ёлки-моталки, был атеистом-таксистом, а здесь перекрестился. Завёл машину и рванул оттуда! Жаль, не снял такое чудо на мобилу. На следующее утро меня всё подначивало пойти на то место. Днём-то не страшно! Иду на площадь, приближаюсь к дому и уже издали понимаю, что не сошёл с ума. Хотя от такой чертовщины можно! На железных дверях висит огромный замок, и дверь опечатана. Каково?!

Павшук тоже не знал, как относиться к рассказанному. Бывает, глянешь на интервьюируемого – весьма складно тарыхтит, не усомнишься в его байке. Зато после оказывается ложью. А, бывает, человек запинается, путается, однако после выясняется, что изложенное им – правда. Так и с Серёгой – он свидетель необъяснимого или лжец? Водитель совсем не желал прославиться в газете – Татьяна Михайловна случайно о нём поведала журналисту. Откуда же это видение? Не понятно.

Аптекарь Вундерлихт также не без трепета поглядывал на Нелли. «Это юное создание сведёт меня с ума идеальной фигурой и певучим голосом, – ловил себя на мысли Дитрих. – Я обязательно овладею её сердцем! Потом увезу её в Европу. И там будем жить так, как нам заблагорассудится».

Этот рослый вдовец с длинными волосами, расчёсанными на пробор, долго не вступал в брак после смерти жены. Но жизнь брала своё! И, как человек набожный, Дитрих решил, что сорок лет ещё вполне достаточный возраст, чтобы в судьбе проторить новую дорожку, пока не поздно. Как там говорят русские, лечившиеся у аптекаря? На Бога надейся, сам не плошай! Тут, конечно, они правы. И Дитрих иногда рассуждал: «Разве Всевышний не для того нам дал

часть божественной воли, чтобы мы изменяли собственную жизнь, как заблагорассудится? Даже великий Гиппократ говорил: «Тому, кто не хочет изменить жизнь, помочь невозможно». И высшим примером служит наш Спаситель: он собственноручно понёс тяжкий крест, хотя мог бы отказаться от жестокой участи». Вундерлихт, одновременно мистик и рационалист, пытался соединить вольнодумное учение Фесслера³ с логическими построениями разума.

Своенравный Дитрих был доволен изменениями, которые произошли после пожара в колонии в 1823 году. Раньше для гернгутеров жребий считался промыслом божьим, который определял их бытие. «Человек непрозорлив, – убеждали они себя и других братьев во Христе. – А Провидение – светоч во тьме, позволяющий безошибочно находить правильное направление. Разве можно противиться судьбе, данной свыше?». Это относилось и к женитьбе, когда по жребию определяли, кто из общего числа женихов и невест соединится вместе. Но после упомянутой трагедии большое количество мужчин покинуло Сарепту, вернувшись в Германию. И незывлемая традиция дала трещину: конференция старейшин постановила: отныне жребий больше не влияет на то, как поступать. Коли мужчина в их колонии докажет, что сумеет содержать семью, то вправе обратиться к семье невесты с просьбой о женитьбе.

И вот перед Пасхой Вундерлихт в синем сюртуке и темных панталонах посетил дом пивовара Краутвурста. Глава семейства в коричневом сюртуке пригласил Дитриха присесть. Это являлось хорошим знаком, так как у гернгутеров не было принято ходить в гости без дела. Супруга пивовара поставила перед гостем чайный сервиз и мармелад.

Попив чая, мужчины церемонно закурили длинные трубки. Посидели степенно ещё около двадцати минут. Наконец, Краутвурст попросил рассказать о цели визита.

– Я прошу руки вашей дочери, брат Хайнрих, – сказал аптекарь без предисловий. – Моя аптека даёт хороший доход, и я смогу обеспечить содержание Нелли. Я уже обсуждал данный вопрос и в Совете старейшин общины, и с настоятельницей корпорации незамужних девушек. Все согласились, что моя кандидатура вполне пригодна для брака. Теперь я обращаюсь к вам, уважаемые супруги Краутвурст. Могу ли я рассчитывать на ваше согласие?

Нелли стояла за дверью и с трепетом в сердце ждала отрицательного ответа родителей.

Но нет! Отец и мать посчитали, что дочери давно пора покидать семейное гнездо, коли ей попался столь добропорядочный и состоятельный жених. Почему они должны отказываться от замечательной партии? Уж на что она надеялась на любимую мамочку, но и та не сказала ничего против.

– Вы не рассматривали, брат мой, другие кандидатуры незамужних сестер? – спросил для проформы Краутвурст.

– Нет-нет, – заверил Дитрих. И произнёс комплимент, достойный пуританской среды: – Считаю, что лучшей девушки просто нельзя найти в колонии.

– Тогда не вижу препятствия к нашему общему решению, приданного у нас достаточно, – безапелляционно поставил точку пивовар. Разумеется, он уже давно всё обдумал. Жена торопливо поддакнула, и Краутвурст заключил: – Проведём, как положено, через месяц обручение в кирхе при сборе всей общины. А уже осенью епископ обвенчает вас. Я поговорю с ним завтра.

Весь август Павшук каждую субботу посещал библиотеку музея «Старая Сарепта». Он пытался найти хотя бы какое-то объяснение происшедшему с водителем «маршрутки».

Вал информации из фактов, событий колонии и исторических личностей погребли Владимира под собой. Всё сливалось в бурлящую массу, в коей трудно распознать, где начало, а

³ Игнац-Аврелий Фесслер – немецкий учёный-мистик, монах, изучавший различные направления христианства. Жил в Австрии, Германии, России. В начале 19-го века был назначен духовным начальником консистории колоний Нижнего Поволжья; одно время жил в Сарепте.

где конец, где ложь, а где истина. Он встретился даже с директором музея, пытаюсь выяснить его мнение. Но тот лишь развёл руками в неведении:

– Иные уверяют, что видели даже не одного призрака, бродившего по подвалам и улицам Сарепты. Но не я же буду их ловить по ночам! Хотя как-то зимой я задержался допоздна. И, пока сидел в кабинете, не однажды слышал странные звуки: то будто шелест платья, то стоны... В общем, после того перестал оставаться здесь по вечерам.

«Пожалуй, я тоже не рискнул бы остаться один в этих мрачных строениях. И уж тем более спуститься ночью в катакомбы под зданиями», – согласился с директором Павшук.

Уже через неделю в «Волженской правде» появилась душераздирающая статья о том, как молодая красавица умерла два века назад накануне свадьбы. Правда, по какой причине случилось трагедия, осталось неизвестным. Зато в псевдоготической истории была пикантная изюминка: убитые горем родители поместили гроб с телом в склеп, а рядом безутешный папая-пивовар поставил сундук с двумя пудами золота и драгоценностей! Впрочем, сколько не искали позже сокровища, никто ничего не нашёл. Говорят, бродящее под катакомбами привидение не позволяет вынести своё приданое на свет божий. Даже находили скелетизированные трупы в закоулках заброшенных зданий колонии, на телах которых не было следов насилия. Но отчего-то они умерли! Не находилось ответа и на простейший вопрос: где усыпальница девушки? Ведь по воззрениям гернгутеров, смерть – прекрасное событие, когда душа человека освобождается от телесных оков и попадает в рай. Эти религиозные отщепенцы в отличие от прочих клерикалов даже погост устроили в виде садов Эдема. Однако, судя по архивным данным, несчастную невесту не похоронили на кладбище. По причине того, что она наложила на себя руки? Это оставалось неизвестным. Да видно не зря отец девушки решил задобрить высшие силы дарами.

Легенда гласила, что пивовар напоследок сказал: «Пусть Богу вернётся хотя бы часть того, что Он дал мне в долг». «Нет, не зря неразрывна связь между богом и словом «богатство», – заключил тогда журналист. – В искушение даются нам излишества на время, чтобы человек сам решил, пустить их во благо или в мерзости умереть, так и не усвоив, что на том свете все эти побрякушки не пригодятся».

Загадочная легенда всё-таки заканчивалась неопределённым многоточием, а не жирной точкой: где же похоронена невеста с приданым, коли и местечко, где жили колонисты, небольшое?

В конце сентября вечером Фыкин позвонил сам:

– Я опять видел того призрака!

«Та-ак, наклёвывается продолжение, – смекнул Владимир. – Второй сенсационный материал – тоже не плохо! Журналист пишет – бухгалтер гонорар начисляет. А может быть, сокровища и вправду ещё не найдены? Да нет – такое невозможно! Хотя...». И они договорились о новом интервью.

Встретились в конце рабочей недели в холле музея. Туда же подошла Татьяна Михайловна, которой Серёга уже успел всё выложить. У них под ногами крутился чёрный котяра.

– Это Семён, – погладила его библиотекарь. – Наш всеобщий любимец.

Упитанная животинка была весьма оригинальной породы – гладкошерстый, с абсолютно жёлтыми глазами и хвостом примерно на одну треть меньшую, чем у сородичей.

– Еду я с работы в полночь и вижу её возле того же перекрёстка, – начал маршрутчик. – Манит, будто зовёт куда-то. Я разворачиваюсь на площади, чтобы объехать по Астраханской улице. Так она там, у обочины, маячит!

– Ты бы остановился, спросил, чего она хочет, – усмехнулся Владимир. Хотя чуть отодвинулся от Серёги: «У сумасшедших по осени обострение, надо быть осторожнее». – Возможно, девушке скучно, желала познакомиться.

– Издеваетесь? Я, как увидел её, сразу по газам дал!

– Может быть, призрак хочет сообщить что-то? – предположила Татьяна Михайловна. – Впрочем, я бы тоже умерла со страху! Её лицо видели?

– Да оно скрыто чёрной вуалью! И чего ей от меня надо?

Из коридора, идущего вдоль этажа, появился рослый, худощавый мужчина лет пятидесяти в сером костюме; у него была слегка всклокоченная седая шевелюра. Вид у него был несколько недовольный.

Тем не менее, Татьяна Михайловна сразу как-то преобразилась, поправила причёску и глянув в настенное зеркало. Благожелательно поздоровалась с незнакомцем. «Ого! – удивился Павшук. – Библиотекарша имеет виды на скромного товарища».

Мужчина тоже вежливо поклонился всем и принялся что-то рассматривать на крупных фото, развешанных по стенам. Неожиданно он дёрнулся, резко пошёл к деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. В ту же минуту кот, мирно тёршийся о щиколотку Павшука, выгнул спину и зашипел. Шерсть на Семёне встала дыбом.

Побелевший Серёга повернулся в сторону неизвестного и прохрипел:

– Ёлки-моталки! Вот же призрак!

– Где? – не понял Павшук.

– Он поднимается за мужиком. Не видите?

Владимира словно парализовало. Что-то происходило в пространстве вокруг них, но он действительно ничего не видел! Впрочем, некая стусившаяся энергетика ощущалась всей кожей, проникая даже вглубь его существа. А Семён тем временем уже мчался к выходу! Его паника не оставляла сомнений, что дело не чисто.

Журналист спросил оторопевшую Татьяну Михайловну:

– Кто это?

Та, оправившись от ужаса, пролепетала:

– Наш архивариус. Он здесь работает со дня основания музея. Очень осведомлён по истории края. Только держится несколько особняком.

«Откуда мне знакома его физия? – Павшук был в недоумении. – Его точно нет среди моих знакомых. Однако, впечатление, будто видел его где-то».

Фыкин и журналист отправились в сквер на площади. Решили побеседовать наедине, прогуливаясь по дорожкам. Над ними тихо шумели от ветерка голубые ели и берёзы.

– Непонятно, – сказал журналист, давно мучимый одним вопросом, – почему только ты видишь призрака?

– А кот?.. – вскинулся Серёга и закурил сигарету. – У меня есть объяснение, но, поверишь ли? Прошлой зимой я попал в серьёзную аварию. Только выехал на перекрёсток, как выскакивает джип, и – бац в меня! Страшный удар, дичайшая боль в груди, больше ничего не помнил и не чувствовал... Потом моё сознание прояснилось. Увидел откуда-то сверху обе искорёженные машины, даже того балбеса из джипа, выкинутого через лобовое стекло. Его череп раскололся о бордюр, из него, как из сочного арбуза, растекается кровяца. Почти сразу из трупa вылетела тень. Она походила на человеческую. Только очень прозрачная. И слегка колыхалась. Я отнёсся к этому почему-то спокойно. Наверное, от того, что уже читал и слышал о таких вещах? Меня больше удивило, что я не удивляюсь происходящему...

– Провалился в больнице месяц, – Серёга кинул окуроч в урну. – Но позже, гуляя вечером возле морга, вновь почудились почти заметные тени. И я даже словно слышал шелест, похожий на шёпот. И в ужасе убежал! А врач стал заверять, что у меня галлюцинация, последствия аварии. И прописал идиот успокоительное. Но зуб даю, я видел души умерших! Теперь эта чёртова история...

– Гм, знакомый медик говорил, что до двадцати пяти лет молодые слышат звуки, которые с возрастом не воспринимаются ухом, – поддержал его Павшук. – Или у тебя открылись сверхспособности из-за клинической смерти.

– Говорят, глаза – типа фотоаппарата, – выложил свою версию Серёга. – Когда меня треснуло по затылку, в мозгах что-то перенастроилось.

– Не исключено, – кивнул журналист. – Мы улавливаем небольшую часть спектра в окружающей среде. А она ничтожна мала в сравнении с тем, что происходит вокруг. Много чего не видим, не слышим, не ощущаем даже из того, что известно другим живым существам. Как чёртов Семён...

– Татьяна Михайловна сказала, что на следующей неделе приезжают сотрудники столичного телевидения. Будут снимать передачу о призраках из серии «Игры разума». Директор музея пригласил меня. Так что я скоро стану знаменит на всю страну!

Безутешная Нелли прорыдала всю долгую ночь. Ещё с вечера родители пытались её успокоить, развезть, казалось бы, напрасные печали.

– Что так расстраиваешься? – гладила её по волосам мать. – Смирись – так угодно Спасителю! Заведено не нами, не нам изменять порядки. Я и другие женщины, так же выходила замуж. Пора менять алые ленты на синие⁴.

Линда говорила так. Но сама не верила своим убеждениям. Она просто смирялась всю жизнь с действительностью, той, которую ей, как и остальным жительницам колонии не преодолеть.

– Фай-фай, мама! – упрямо качала головой девушка. – Не хочу никого видеть! Это несправедливо. Если все так поступают, разве это значит, что так и должно быть?

Отец с матерью ушли из комнаты дочери. В открытом окне загремел гром, освещая молниями клубящиеся тучи. Сначала тихо, потом всё сильнее зашумел ливень. Стукнули ставни, в окно пахнуло дождевой пылью. Казалось, кто-то очень сильно рассердился в вышине, и вместе с несчастной девушкой заплакал над её несчастной долей.

На следующее утро по колонии разнеслась страшная весть: видели, что Томас утопился. Это случилось в месте впадения Сарпы в Волгу.

Вечером рыбак Ганс укрывался от сильного дождя под деревом. И заметил Томаса, бродящего бесцельно по берегу. Внезапно юноша закричал и поднял руки кверху. «Он будто молил о чём-то, – рассказывал потом Ганс. – Но из-за шума я ничего не слышал. Хотел позвать его, но Томас в каком-то безумии кинулся в воду!» Несколько раз его голова мелькнула в волжских волнах, после скрылась за пеленой ливня. Больше рыбак не увидел парня.

От таких вестей Нелли совсем впала в отчаяние. Она плакала день и ночь, не переставая. На вторые сутки организм девушки не выдержал, и нервный сон свалил её с ног.

Поутру она проснулась. Первым делом подумала: «Как я предаю нашу любовь с Томасом?! Ведь он из-за меня покинул эту грешную землю. А Дитрих никогда не прикаснётся ко мне! Так что же мне делать?!».

Нелли долго сидела. Ничего не приходило ей в голову. И она словно плыла в вязком тумане. Вдруг девушку будто что-то толкнуло. Ведь часто нечто неведомое двигает людьми, хотя они полагают, будто поступают по собственной воле.

Нелли выглянула за дверь – там никого не было: родители ушли по делам. Она быстро оделась и выскользнула из дома.

Подготовка к съёмкам происходила в деловой, но несколько нервической атмосфере. Менеджер телевизионщиков всё время бегал туда-сюда, отдавая распоряжения членам группы. Его можно было понять: на следующее утро их команда уже улетала в Москву, и осечки с

⁴ Женский пол в колонии Сарепта (в зависимости от статуса) имел разный цвет ленты, подвязывая ими чепец под подбородком; у девиц они были алые, у вышедших замуж – голубые.

проектом не могло быть! Деньги на сюжет о спиритическом сеансе в исторических интерьерах выделены, их надо отработать хоть убейся.

Решили снимать для большей реальности в полночь. А пока все участники проекта сидели в административном здании «Старой Сарепты». Телевизионщики втихаря от менеджера тянули пиво, ожидая назначенного срока. По договорённости с директором музея, в сеансе общения с духами обязательно должны были принять участие их сотрудница Татьяна Михайловна и – отныне уже звезда местного масштаба – маршрутчик Фькин. Напросился и Павшук, обещавший помочь в последующем с пиар-компанией в СМИ.

Но главным героем проекта «Игры разума» являлся медиум Демид. К нему тут относились с особым пиететом. Он реально внушал пробирающий до озноба трепет, едва появлялся на площадке. Его личность была слеплена для мистической роли: высокий рост, смоляные, до плеч волосы, проникающий внутрь тебя взор. Носил он одежду только тёмных цветов. На левом мизинце у него красовался массивный серебряный перстень: оскалившийся дракон обвивает палец лапами и чешуйчатый хвостом. На груди – массивный золотой медальон: пентаграмма в круге. Не меньшее воздействие на окружающих оказывал его бархатный баритон. Но самое поразительное, что, когда Демид приближался к человеку, последний реально ощущал незримую энергетику, исходящую от медиума.

– Вы думаете, всё получится? – спросил с сомнением Павшук.

– Почему бы нет? – парировал Демид.

– Так ведь духи появляются только для тех, кто в них верит, – скривился в ироничной улыбке Владимир.

– А вам не кажется, что ломитесь в открытую дверь? Если человек настроен на определённые вибрации, это позволяет различить незримое! Если же не настроен на них, как можешь это уловить? Вы же можете, если сильно напряжёте зрение, увидеть что-то в темноте, тогда как поначалу ничего не различаете? Духи существуют в ином мире, который пронизывает нас. Даже если ты не видишь чего-то, это ещё не значит, что некая материя не течёт сквозь нас, словно электрический ток. И духи – та же энергетика. Поэтому меня забавляют атеисты – те типы, которые верят, будто потустороннего нет. Где у них доказательства?

«В самом деле, – впервые задумался Владимир, продолжая рассуждения Демида, – никто не сомневается, что все тела вокруг твёрды, и, чтобы, скажем, соединить в общую массу два разнородных вещества, нужно приложить невероятное усилие! Да как объяснить, что между атомами веществ – пустота, и её преодолеть невозможно? В наш прагматичный век, вроде, уже не верят в чудеса, хотя бывают малообъяснимые процессы, которые иначе как злобным волшебством не обзовёшь! Разве, например, люди не околдованы незримой силой, заставляющей тупо смотреть в телефончики? Вопрос тогда в ином: как то или иное явление объяснить?».

Предварительно с руководителем телегруппы был согласован сценарий по общению с «духами». Однако было решено, что Демид, как посредник меж двух параллельных миров, не будет знать заранее ни одного вопроса. Также договорились, что участники сеанса обязаны задавать вопросы, требующие однозначного ответа, причём, в определённой последовательности.

Зазвенел колокольчик, и дверь открылась. В аптеку вошла Нелли. В руках у неё была сумочка с серебряной застёжкой. Она неуверенно произнесла:

– Добрый день.

Аптекарь Вундерлихт в синем сюртуке и с всклокоченной шевелюрой, в которой уже появлялась седина, сидел, за стойкой. Он был полностью погружён в чтение интересной, весьма тайной книги, привезённой на днях из Лифляндии.

Дитрих, честно говоря, опешил. Тем не менее, приветливо произнёс:

– Добрый день, сестра моя! Чем могу служить?

Нелли прошла через комнату, приблизилась к аптечной стойке и остановилась. Она сама не понимала, что заставило её безотчётно прийти сюда. Ну не глянуть же на будущего мужа? Её взор блуждал по полу, стенам, полкам. Затем Нелли спросила:

– Помогите мне. У меня сильно давит в висках. И ещё дайте что-нибудь, чтобы успокоиться.

«Её можно понять, – подумал Дитрих. – Нелегко выйти замуж за мужчину вдвое старше тебя. Но я сделаю всё, чтобы она полюбила меня. Я завладею её сердцем!»

Аптекарь предложил Нелли присесть. Мягко начал расспрашивать о симптомах недомогания.

Беседа велась вяло, девушка отвечала неохотно, хотя Дитрих хотел казаться радушным. Поэтому он встал и ободряюще произнёс:

– Всё будет нормально, сестра моя. Я подберу состав трав, которые успокоит твою душу. В моей аптеке есть средства для излечения почти всех недугов. – Аптекарь несколько картинно повёл рукой по полкам вдоль стен. На них толпились пузырьки и склянки разнообразных форм и расцветок. Честно говоря, Дитриху надоело сидеть одному в аптеке, а тут такая возможность покрасоваться перед юным созданием. – Здесь есть лекарства от болей в сердце, печени, желудке. Имеем разные бальзамы и мази. Скажу по секрету, тут недавно из Царицына даже заказали весьма опасное зелье. Разумеется, я не спрашивал, для чего оно, но заказ уже готов, завтра заберут. – Дитрих указал на синюю склянку. – Сейчас посмотрю, какие у меня есть травы для тебя.

Аптекарь скрылся за дверью, ведущей в подвал аптеки. Когда он вернулся, то не застал Нелли. Он повёл плечами: «Как не прилично: уйти, не попрощавшись. Ох, уж это новое поколение! Что ж, у молодых голова долго не болит – видимо, отпустило. Однако, когда она станет моей женой, всё изменится. Я заставлю её полюбить себя. Да, я завладею сердцем Нелли».

Вдовец вернулся к чтению книги, привезённых Йоханом Бресслером. Этот брат по вере из немецкого городка Зиттау был уникальной личностью: разбирался в медицине, биологии и механике. Более того, брат Йохан увлекался мистическими опытами, записывая в блокнот размышления собственным шифром. Он даже умудрился сделать самоходную машину, которой поражал на площадях городов Германии. Как это ему удалось, никто не мог уяснить! И ещё этот уникальный умелец делал кукол, которые заставляли соотечественников креститься: они двигались, смеялись, пели на инструментах, как живые. И Бресслера обвинили в колдовстве. Ему пришлось бежать в Лифляндию, где он принял веру гернгутеров. Теперь приехал по приглашению Вундерлихта в Сарпинское поселение.

– Спускайтесь вниз! – прибежал менеджер. – Всё готово к съёмкам.

Участники сеанса спустились по крутой каменной лестнице в подвал. Внизу довольно просторное помещение накрывалось сводчатым потолком из красного кирпича высотой около трёх метров, а стены были сложены из грубо обработанного камня. Спустившиеся ощутили сырую прохладу, столь приятную после летнего зноя.

Посреди подвала стоял круглый стол со скатертью из чёрного шёлка с бахромой. Для антуража сверху подвесили хрустальную люстру с десятком стеариновых свечей.

За стол сели Демид, Татьяна Михайловна, Серёга и Павшук. Вкруг встали наизготовку трое телевизионщиков.

– Начали! – скомандовал руководитель телепроекта.

Наступила мрачная тишина. И тут произошло то, что уже не вызвало у Павшука сомнений, в действительности энергетики медиума. Тот пристально поглядел на стенные часы, и те... Остановились на цифре «12». Все пугливо переглянулись.

А Демид опустил веки и гипнотическим баритоном затянул:

– Поднимите ладони и чуть встряхните их. Сделайте три глубоких вдоха. Постарайтесь ни о чём не думать. Просто следите за моими действиями. Задавайте вопросы после получения предыдущего результата.

Доска Уиджи лежала перед медиумом. Это было старинное крупное устройство с набором букв и цифр, исполненные готическим шрифтом; на правом краю находился знак «плюс», соответствующий слову «да», слева – «минус», соответствующий слову «нет». Сверху магической доски покоилась стрелка с крупной дыркой, где могла быть видна одна буква или цифра. Стрелка была выполнена в виде «перста судьбы». «Как же мы получим ответы, коли здесь латиница?» – не мог понять Павшук, пока не сообразил, что придётся «переводить» эти буквы на кириллицу.

Присутствующие глубоко вздохнули и положили скрещенные ладони перед собой.

– Дух Нелли, приди к нам, – твёрдо произнёс в темноту Демид. Его лицо окаменело.

Все хором начали повторять:

– Дух Нелли, приди к нам. Дух Нелли, приди-приди к нам...

Ничего не происходило, и Татьяна Михайловна с облегчением вздохнула. Она единственная, кто пришла сюда против воли – начальство заставило.

В ту же секунду люстра над ними слегка дрогнула. У библиотечарши расширились зрачки. Все замерли.

– Это ты, Нелли? – произнёс медиум. Его глаза были полуприкрыты – он впал в транс. Ладонь с «перстом судьбы» начала несколько хаотичное движение по доске. Но нет: через некоторое время стрелка остановилась, и в кругляше появился «плюс». Владимир с Татьяной Михайловной ошарашенно переглянулись, Серёга перестал нахально улыбаться.

– Ты умерла сама? – спросил неуверенно Владимир.

Стрелка опять остановилась на «плюсе». Журналист решил выяснить всё до конца и спросил:

– Кто твой жених?

«Перст судьбы» немного повилял по доске, и одна за другой стали появляться буквы: Т... О... М... А... С.

– Странно, – прошептала библиотечарша. – Это имя нигде не указано.

– Где Томас? – спросил вновь Владимир.

Стрелка виляла довольно долго, пока Павшук, тут же записывая, чтобы не сбиться, не «перевёл»: «Он ушёл навсегда».

Татьяна Михайловна выдавила:

– По легенде она ищет другого жениха...

Тут нетерпеливо вмешался маршрутистик:

– Пусть ответит, золото при ней?

Стрелка почти сразу дала утвердительный ответ, и руководитель проекта довольно потирал ладошки. Зато Павшук был недоволен поведением Серёги. Но произнёс:

– Кто или что поможет найти золото?

Вновь возникло имя «Томас». Все непонимающе уставились друг на друга. Серёга решил ковать железо, пока горячо:

– Где он?

На доске Уиджи вывелось: «Это – ты...»

Серёга в ужасе откинулся на стуле. А Владимир подумал: «Будь, что будет!» и сказал:

– Кто или что держит тебя здесь?

На сей раз вообще было трудно понять слово на доске, пока не разомкнулись губы самого Демида:

– Вундерлихт.

– Что-о?.. – протянула библиотекарша, схватила за сердце и начала оседать. Владимир подхватил женщину и крикнул:

– Воды!..

В то же мгновение на всех будто дохнуло невыносимым смрадом, пламя свечей едва не погасло. Зазвенели хрусталинки люстры, их огоньки забегали по стенам. Стрелка часов сдвинулась с цифры «12».

– Ничего себе... – сдавленным голосом произнёс оператор. Затем громко выкрикнул: – Камера перестала снимать!

Свет в подвале погас...

Ранним утром возле кирхи кучковались колонисты. Вот-вот перед трудовым днём пастор произнесёт очередную проповедь. Каждый раз он зачитывал очередную цитату из Библии, становившуюся источником размышлений для гернгутеров на целый день. Однако что сегодня он скажет, когда произошло уже второе неслыханное для их поселения событие? И более того, совершенно не угодное Господу.

Умерла дочь пивовара Краутвурста. И если бы девушка ушла к Богу так, как полагаются! Для гернгутеров личную смерть совершенно не страшное событие – она для них великая радость: избавляешься от печальной юдоли, когда только работаешь и работаешь... Зато впереди открывались врата божьего царства, где – если ты истово молился – ожидает вечный рай.

Однако Нелли лишала себя того, что по определению принадлежало не ей, а Всевышнему: Он дал жизнь, и только Он вправе её забрать. А здесь настоящий – пусть отчаянно немой! – вызов всей общине. Да разве кто не знает, что самоубийство – прямая дорога в преисподнюю? Тяжкий грех уже неисправим.

Всё осложнялось тем, что Нелли стала уже вторым членом общины, совершившим неслыханный для гернгутеров поступок за столь короткий срок. Это бросало вызов устоям общины, порождало слухи: разве нельзя было как-то сговориться родным молодым, дабы предотвратить ужасные последствия? Впрочем, что такое любовь? Она приносит одни расходы, никак не доходы! Так что Томасу ещё нужно было бы потрудиться, прежде чем думать о семье.

Впрочем, поначалу казалось, что Нелли умерла естественной – хотя несколько подозрительной – смертью. Как поведала подругам и соседкам её мать – Линда, ещё накануне дочь была здорова, да зачем-то вчера перед обедом наведальась в аптеку Вундерлихта. Тогда мать истолковала это по-своему: под невинным предлогом Нелли хотела ещё раз взглянуть на почти состоявшегося жениха.

Вернулась девушка очень потерянная. После ужина ушла в свою комнатку, сославшись на неожиданную слабость. Потом мать услышала стоны. Она кинулась в комнату дочери и застала тут в сильных корчах. Бледная Нелли ничего не говорила, только плакала. Ей становилась всё хуже и хуже.

Девушка промучилась ночь, и к утру тихо испустила. Мать увидела на столике пустую синюю склянку, которой в их доме никогда раньше не было. И эта вещь вызвала в ней определённые подозрения. Линда тихо прошептала наедине: «Бедное моё дитя...».

Печальная весть, услышанная от торговки молоком, поразила Вундерлихта: «Как?! Нельзя же считать небольшую головную боль причиной смерти Нелли!». Его сердце против воли заныло.

Дитрих перебрал варианты случившегося. Интуиция подсказывала: трагедия напрямую связана с ним. Однако аптекарь отказывался верить собственным мыслям, выползавшим, словно змеи, из-под камней.

Он просидел до обеда в полумраке кабинета, находившейся за торговым залом аптеки и ждал, неизвестно чего. Будто специально, никто не приходил, что ещё больше настораживало.

Его все забыли? Ожидание в неизвестности – самое страшное для человека. И Вундерлихт почему-то не решался идти в дом той, кто уже совсем скоро должна была стать его наречённой.

Аптекарь собрался, было, сходить к Бресслеру, чтобы развеять тоскливое состояние, как вдруг у двери зазвенел звонок. Дитрих выскочил из кабинета. На пороге высилась крупная фигура Краутвурста. Но он не поздоровался, как положено.

Приблизившись, отец Нелли молча поставил на столешницу маленькую склянку. Вундерлихт позеленел...

– Это твоё? – жёстко спросил Краутвурст.

– Да, брат Хайнрих... – еле слышно пролепетал Дитрих.

– Не смей больше меня так называть! – отрезал Краутвурст. – Объясни, как это оказалось у моей дочери?

– Не знаю! – прохрипел Вундерлихт. – Это зелье заказано русскими. Видимо, Нелли взяла его тайком, когда приходила просить снадобье.

Пивовар колебался. Он чувствовал, что аптекарь не лжёт. Но горе, переходящее в тихую ярость, сжигало его изнутри. Краутвурст застонал и схватился за грудь. Дитрих быстро обогнул стойку, подставил ему стул и подал воды.

– Моя единственная дочь, моя дочь... – повторял пивовар. Затем замолк, уткнувшись в пол. Через некоторое время промолвил: – Линда вообще не поднимается с кровати. Как нам теперь жить?..

Что мог ответить Вундерлихт, когда сам не знал, как поступить в столь непростом случае. И как с ним поступят члены общины? Разве он себе и Нелли желал такой ужасной судьбы?

Молчание превращалось в пытку.

Взгляд Краутвурста бесцельно бродил по стенам аптеки, натываясь то на чучело лисы, стоявшей на полке, то на парящего в последнем полёте скопца под потолком. Ведь Вундерлихт, помимо прочего, увлекался таксидермией.

В этот момент брат Хайнрих увидел зелёную ящерицу, навечно застывшую на аптечной стойке. Её стеклянные глаза сверкали даже в слабом отсвете. Губы пивовара помимо воли произнесли:

– Много бы дал, чтобы видеть дочь живой, чтобы она всегда оставалась рядом со своими стареющими родителями.

Эта фраза ошеломила Вундерлихта: «Вот! Вот тот случай, о котором я втайне иногда мечтал!» На днях Бресслер открыл Дитриху состав рецепта таинственного вещества, над которым тщетно бились умы сотен схоластов. И сейчас жестокая судьба подсказала ему невероятную возможность... Он как бы не веря самому себе, молвил:

– Поверьте, я сделаю так, что Нелли всегда будет рядом с вами.

Краутвурст посмотрел на аптекаря непонимающе. Потом до него стал доходить смысл сказанного. Он встал и кивком указал на ящерицу:

– Ты можешь сделать так, чтобы тлен никогда не коснулся моей дочери? Чтобы её глаза блестели, а щёки были всегда румяны?

Дитрих кивнул в знак согласия:

– Я обещаю вам. Она останется юной даже тогда, когда вас не будет.

Краутвурст встал, положил тяжёлую ладонь на плечо Вундерлихта:

– Нелли должна остаться невестой Христовой, как и принято для всех наших сестёр. Ты не представляешь, от какого греха освободил меня, сказав это. Правда, ты всё равно неисправимый грешник, который сгорит в адском пламени. Не зря ходят слухи, что читаешь крамольные книги и занимаешься магией. Многие замечали, что есть у тебя пристрастие к бесов-

ским наукам! Забыл, что для нас главное не просвещение ума, сколько образование сердца! Ты воистину нахцерер⁵, который не следует заветам общины.

Внутри Дитриха всё похолодело, будто о нём узнали нечто, чего никто не должен был знать. Он попытался возразить, обходя прямое обращение:

– Я, между прочим, много сделал добра для колонии.

Пивовар грубо отмахнулся. Эмоции брали в нём вверх над разумом:

– Мне всё равно! Чтò я скажу братьям по общине после случившегося с дочерью? И кому отныне нужно всё моё состояние? На Совете старейшин нам дали отрицательный ответ о погребении Нелли на общем кладбище из-за её опрометчивых шагов. Жизнь потеряла смысл для нас с супругой.

Хайнрих вновь вернулся к своей не до конца высказанной мысли:

– Я предоставлю тебе все возможные средства, чтобы получилось так, как надо. Но после уедешь из Сарепты навсегда. Родители Томаса тоже не хотят тебя видеть в общине.

Уже на выходе Краутвурст обернулся:

– Я слышан, твой лифляндский собрат по тёмным делишкам дружен с механикой? Пусть он зайдёт ко мне. Возможно, подскажет, что надо сделать, чтобы никто и никогда уже не нарушил покой моей любимой доченьки?

– Хорошо, я поговорю с братом Йоханом, – снова согласился Вундерлихт. Аптекарю не оставалось ничего другого, как соглашаться во всём.

И две безумные идеи слились воедино.

– Как вы объясните случившееся? – спросил Демида Павшук.

Оба стояли на следующий день возле красного микроавтобуса, куда уже покидала вещи группа телевизионщиков. Руководитель телепроекта был недоволен инцидентом накануне и постоянно созванивался со столичным начальством.

Разумеется, были сняты мрачные интерьеры музея подробное интервью с Серёгой. Дополнительно даже порасспрашивали продавщицу из ларька на площади: она утверждала, дескать, по ночам тоже замечала призраков. Но запись спиритического сеанса – квинтэссенции проекта! – не получилась. И это был серьёзный промах для тележурналистов.

Павшука же сейчас, в сквере на площади Свободы, волновало иное. Июньское утро было солнечным, воробья весело чирикали, прыгая по веткам. И ничто не напоминало о недавнем кошмаре в подвале. Владимир уже практически договорился с редактором о новом материале про призраков – откуда они берутся, и реально ли с ними подружиться. Чем не забойная статья?

– Понимаете, это можно интерпретировать так... – важно протянул Деמיד. – Если исходить из теории метемпсихоза, существуют даймоны. Это те же души умерших, которые не могут найти нового пристанища – тела пока ещё не родившегося ребёнка. Возможно, у них есть определённый срок пребывания в нашем мире, после которого даймоны распадаются. И у меня есть одно нехорошее подозрение... Ваш Фыкин, видимо, не зря похож на возлюбленного Нелли. Не исключено, что душа-даймон Томаса вселилась в маршрутчика. И хочешь или нет, но Нелли доверяет лишь ему. Хотя, сдаётся мне, золотишко вряд ли легко вам дастся. Обычно за такие вещи платят высокую цену.

– Как привидения, духи воздействуют на материальный мир, коли они бесплотны? – журналист указал на окно: – Они же как бы за стеклом от нас.

– Ну-у, дух, душа – энергетический сгусток. Возможно, она иногда применяет сверхусилие, чтобы прорваться в наш, материальный мир – будто разбивает стекло.

– То есть даймоны – те же призраки, – стал рассуждать вслух Павшук. – Так почему же они, как прочие души по христианской версии, не отлетает после смерти к Богу?

⁵ Вампир (нем.). Вера в них была распространена в северной Германии.

– Интересный вопрос! А, собственно, что есть Бог в вашем понимании? Сейчас кое-кто выражается уже иначе: это – Ноосфера. Именно она вбирает в себя все души, становясь огромной мировой «душой». Ведь не зря по тому же Сократу даимон ещё является синонимом совести, феномена, который объединяет всех людей. Правда, христианские апологеты превратили даимона уже в демона – злобного духа. Однако, иногда душа – или называйте её, как хотите – задерживается на Земле, становясь призраком. Причина в том, что душа не может освободиться от некоего «кокона», воспринимаемого ей как материальное тело. Если душа не растворяется в общем энерго-информационном пространстве, это причиняет ей определённую боль – она «мается», как говорили в старину.

– И тогда... В меня закрадывается определённое подозрение.

– Да-да! Возможен вариант, когда душа остаётся в мёртвом теле, «думая», что оно живо. Она улетит из тела лишь тогда, когда оно разрушится. В легендах обычно говорят, что призрак должен исполнить некий долг, после чего исчезает. Дух Нелли связывает свою надежду именно с Серёгой, только ему он откроет личную тайну.

Оба подумали об одном и том же, но не решились произнести вслух столь невероятный поворот в потусторонней истории. Демид переменял тему:

– Что с Татьяной Михайловной?

– Она была доставлена в прединфарктном состоянии в реанимацию. Благо, что больница в пяти минутах езды от музея. Сейчас ей лучше, но врачи пока не пускают к ней.

Павшуку опять взбрела в голову вздорная мысль: «Коли она тут летает, мучается, бедная, то, может быть... Не всё потеряно? Да как к этому отнесётся Фыкин?»

Демиду подали знак, чтобы он садился в микроавтобус. Он пожал руку Владимиру, и они расстались.

Вундерлихт осторожно ступал по размякшей от дождя тропке. Она вела между зарослей вдоль берега Сарпы. Звёзды лишь изредка выглядывали из-за рваных туч.

Дитрих двигался тем же путём, что до него печальный Томас. Аптекарь опасался попасться кому-либо на глаза жителям Сарепты. Всё держалось на волоске! После того, как ночной сторож оповестил об отбое, никто не появлялся без нужды на улицах. И требовалась определённая ловкость, чтобы вырваться оттуда, где аптекарь был совсем недавно защищён лучше всего. Пришлось придумать целый план, чтобы улизнуть незаметным.

Помогла оказия. Накануне Вундерлихт испросил разрешения у Совета старейшин выехать за ворота колонии: местные ойраты призвали его к хану, который серьёзно занемог. Проведав его, аптекарь на обратной дороге свернул к устью Сарпы и спрятал в корнях старой ивы другую одежду.

Просто выйти из колонии, окружённой стенами с охраной, невозможно. И Дитрих поздно вечером пробрался к водяной мельнице у реки. Здесь утопил свои комзол с панталонами, привязав их к камню. И поплыл через неширокую Сарпу, держа в руке мешочек с самым необходимым.

Течением его отнесло ниже, чему, впрочем, Дитрих и не сопротивлялся. Кое-как пролез сквозь камыши, весь изрезавшись. И вот он на заветной тропинке. Добегает до места впадения Сарпы в Волгу, одевает у ивы новую одежду и направляется за крутояр, где едва горит костёрчик. Навстречу Вундерлихту поднимается молодой ойрат. Дитрих обещал ему хорошо заплатить, но кочевник и так не прочь помочь, ибо аптекарь излечил его отца. Долг платежом красен! Ойрат тихо свистнул, и из темени послышался топот копыт. Парень ничего не спрашивает, хотя подозревает, почему Дитрих тайком покидает колонию. Он знает то, что неведомо немцу. Прослышал, как приезжали далёкие соплеменники с севера, говорили с ханом. Ищут они иноземца, который покусился на их святыню в дацане, ждёт его суровое наказание. И ойрат не помог бы Дитриху, даже если он обещал парню хорошо заплатить. Дело в ином: как-

то аптекарь излечил его отца, а долг платежом красен! Потому и помалкивает молодой ойрат. Ведь он знает, что немцу угрожает опасность ещё хуже: гелюнги провели обряд проклятия, и сколько бы святотатец не жил, последний день будет самым ужаснейшим для него.

А Вундерлихт доволен каурым жеребцом. «Отлично! С таким скакуном не всякий меня догонит, – радуется он. – Даже седло мне достал. Значит, не зря деньги потрачу». Дитрих не представлял, как он трясся бы на конской спине с попоной, как принято у ойратов. Кидает парню кошелёк с монетами. Затем хлещет коня, и уносится во тьму.

Дитрих не отчаялся бы на такой шаг, если бы его не ошарашили за последнее время две страшные вести. Сначала пронёсся слух, что пропал его друг Бресслер. Говорили, будто он сбежал из колонии. Но на следующее утро Йохана обнаружили убитым на склоне Ергеней. В груди Бресслера зияла большая дыра, словно его проткнули копьём, да так, что оно вышло ещё из спины. Никто не мог понять, что же произошло. Посчитали, что заезжий механик решил сбежать по неизвестной причине. Да, видимо, перевстретили его не то лихие люди, не то ойраты. «Не иначе, как ограбили», – шептались гернгутеры. И в Совете старейшин быстро закрыли щепетильный вопрос без лишних расследований.

Однако Вундерлихт был иного мнения. Перед тем – месяц назад – состоялся неприятный разговор с Йоханом:

– Пошёл я к Краутвурсту, как ты говорил. Подхожу к двери, слышу, Хайнрих беседует с Линдой и упоминает нас с тобой. Мол, дочь не вернуть, но я не оставлю без последствий это дело. Он ему: «Ты хочешь взять грех на душу?». «Нет, – отвечает он. – Пусть длань Господа в лице степняков-язычников покарает Вундерлихта. Они всё равно уцепились за собственную религию, не хотят признавать истинную веру, убивали наших проповедников. Потому без разницы, за что им жариться в преисподней – одним больше прегрешением или меньше». Но Линда не отставала: «А Бресслер? Он всё же может рассказать». «Ничего подобного, – возражает Хайнрих, – этого приберёт к рукам его же хозяин Вельзевула. Ведь они оба его слуги, занимаются непотребными вещами. Наш пастор прав, когда произносит с амвона: «Каждый умирает за своё дело или от своего собственного». Так пусть случится такое же с Бресслером. Я своими руками ничего не буду делать». Представляешь, какой набожный негодяй этот Краутвурст?

Дитрих предложил Йохану убраться отсюда немедленно. Но Бресслер был из рискачей, да ещё захотел подзаработать: «Сделаю этому пивовару обещанное, получу деньги, и в тот же момент сбежим отсюда». Увы, Краутвурст оказался проворнее... Теперь Вундерлихт опасался, что до него тоже доберутся. Вспомнил, что на бледном лице Бресслера порой всё-таки возникала тень страха, несмотря на кураж. Дитрих не стал допытываться тогда, что же заказал ему пивовар.

Мчась сквозь ночь, аптекарь корил себя: «Почему не спросил, что от Йохана хотел Краутвурст?». Ближе к утру впереди показался Царицын. Вундерлихт не стал заезжать в него – а ну столкнёшься с бывшими братьями во Христе? «Нет уж, куплю что-нибудь съестное по дороге, в крайнем случае, потерплю сколько надо». Дал немного передохнуть коню и поскакал дальше, вдоль Волги.

В ноябре журналист узнал, что Татьяну Михайловну перевели из реанимации в обычную палату. Попросил в музее номер её мобильного телефона. Позвонив, разумеется, первым делом поинтересовался её самочувствием.

Голос Татьяны Михайловны был слаб. Они поболтали о том-сём. Потом Павшук осторожно полюбопытствовал:

– Что вас так напугало на спиритическом сеансе?

Журналисту почудилось, что на том конце провода напряглись. «Задел за живое», – понял он и несколько сменил тему: – Это правда, что стражником сокровищ покойной явля-

ется механический рыцарь? По легенде этот бездушный воин вроде проткнул копьем не одного любителя поживиться чужим добром.

– Совершенно верно! – поддержала эту тему библиотекарь. – Перед войной, когда начались репрессии против немцев, кирху отобрали у общины. Церковную утварь вывезли, здание превратили в склад. Когда здание перестраивали, пол в пристройке с торца провалился, и обнаружили тоннель. Вызвали двух милиционеров. С ними был ещё чекист, который полез первым в подземный ход. И пропал!.. Следом сунулся милиционер, потом вылез с криком: «Там Петро весь в крови! Сейчас вытащу». Да пропал тоже! Строители ничего не поймут со страху. Второй милиционер осветил ход фонариком и закричал: «Они мертвы! Я сбегаю в отделение за помощью». Через полтора часа примчалась подмога, принялись расширять узкий тоннель. Обнаружилось, что ход вёл в небольшую комнату. А там – стол с зелёным покрывалом, возле него – высокий позолоченный подсвечник, на стене – деревянный крест гернгутеров. У входа обнаружили нишу с железным рыцарем и окровавленными трупами. Тогда и вспомнили легенду о тайной усыпальнице невесты и механическом воине. Мол, того рыцаря сделал заезжий умелец из Германии. У входа сразу поставили охрану, чтобы до прибытия начальства не заходил.

Татьяна Михайловна помолчала немного и закончила:

– Да дело обернулось совсем не так. Кто-то за короткое время успел вынести гроб с покойницей и тридцать с лишним килограммом золота и ценностей. После обнаружили, что из комнаты второй, замаскированный, ход вёл к крутому обрыву Сарпы. Ходили слухи, будто всё вынесли потомки семьи пивовара. А рыцаря отправили в Сталинград, да по пути он тоже где-то исчез.

Женщина немного помолчала. «Видимо, ей ещё нездоровится», – подумал журналист. Однако он понял, что ошибся, когда библиотекарь протянула:

– Больше ни о чём не спрашивайте. Мне тяжело сейчас говорить, так как я сама теперь не знаю, что думать после жуткого спиритического сеанса. Всё, кажется, совсем не так, как представлялось раньше. Я расскажу об этом позже, когда встретимся в музее.

– Всё нормально, Татьяна Михайловна! – Павшук старался своим бодрим тоном внушить ей оптимизм. – Надеюсь, скоро свидимся.

Однако, отключив телефон, Владимир сделал вывод: «Любит она архивариуса. Вот и темнит. Тем не менее, загадочный пазл постепенно складывается, и я на верном пути. Но без Фыкина никак! Он является заветным ключиком к потаённой двери. Странная штука: с точки зрения других, Серёга – совсем никчёмный человек, но почему-то судьба указала, что на нём лежит главная миссия».

Воспоминания не отпускали Вундерлихта, накатываясь волна за волной. Невыносимая тоска разъедала сердце. Разве он достоин столь горькой участи? Был уважаемым человеком в колонии, отныне всё потерял! И уют, и работу вместе с сокровенными занятиями, и свою как бы наречённую. Да, она не любила его, и что? Гернгутеры особо не задумывались о тревожащем напрасно чувстве. По крайней мере, никто не высказывал об этом открыто. Считалось, что женщины выходят как бы за заместителя Иисуса на земле в лице конкретного мужчины. Любить по-настоящему можно лишь Спасителя. Однако Дитриха бесила ленность ума земляков, для которых в массе своей знания, не имеющие отношения к их религии, были чужды.

Дитрих родился в Лифляндии. Потом его семья перебралась в колонию под Саратовом. Не прижились там и переехали уже в Сарепту. Отец и мать давно умерли от местных болезней. Это так поразило подростка, что он решил посвятить личную жизнь науке, и более всего – медицине. Чтобы не только лечить, но и продлевать жизнь людей, а то и вообще создать эликсир, позволяющее жить вечно. Не зря перед кончиной отец завещал: «Я не нашёл собственного счастья, сынок. Возможно, у тебя получится. Учись, и тогда, наверное, знания помогут тебе стать счастливее». Впрочем, Дитриху было без нужды говорить о том – жажда к знаниям в нём

сидела с детства. Ему одинаково легко давались анатомия, ботаника и математика. Семь лет назад он познакомился с натуралистом, тоже немцем Таушером, который изучал приволжские края. Тот прибыл из Москвы, где служил у русского вельможи. Они легко сдружились, и Дитрих сразу присоединился к скромной экспедиции из пяти человек. Его ничто не держало в колонии. Наоборот, он подумал, что это знак свыше. Ведь первая, обожаемая им, жена также скончалась от неизвестной болезни, не оставив детей. И это лишь обострило желание аптекаря достичь заветных целей.

Экспедиция двинулась в неведомое ещё для европейцев Заволжье, после – ещё выше по реке. Скитались долго по диким далям, собирая образцы для ботаники и геологии. Добрались до Нижнего Урала, где тоже кочевали племена ойратов. И прослышали путешественники, дескать, есть в далёком улусе дацан с мумией святого, и к ней постоянно едут на поклонение со всех концов. Как не повидать такое чудо? «Вдруг здесь найдётся разгадка для меня?» – ёкнуло в груди Дитриха. Увиденное потрясло и его, и всю экспедицию.

В глубине дацана, на низком позолоченном троне восседало иссохшееся тело в оранжевой кашае. «Его душа покинуло тело, – убеждали монахи-гелюнги. – Но иногда возвращается. Она всё видит, слышит и принимает искреннюю мольбу страждущих, исполняет её. Придёт пора, и душа вновь вернётся, когда мы вложим в тело его сердце, тогда наш святой воскреснет». Как же улетела в астрал сущность буддистского святого, гелюнги не открывали. А сердце – обиталище души – хранилось рядом с тронem в медной вазе, с которой взирал дракон с безумными глазами.

Через трое суток у Дитриха вышел раздор с Таушером. Тот, конечно, полюбопытствовал немного да намеревался ехать дальше. Он уже собрал довольно материала для коллекций – насекомых и растений. Потому Таушеру не терпелось привести ценные изыскания в порядок. Путешествовать, конечно, здорово, однако пора вернуться в лоно цивилизации, где намного комфортнее. Зато Вундерлихт воспротивился. Ему стал не просто интересен феномен святого. Ему показалось, что в словах гелюнгов кроется зерно истины, и он решил остаться. Коллеги поссорились, и Таушер увёл экспедицию. А Дитрих поселился в брошенной юрте и принялся за изучение быта и нравов степняков, благо, что немного освоил их язык ещё в Сарепте. В конце концов, он даже принял их веру, приняв сан «манжи» – духовного ученика. В дацане настолько прониклись к немцу доверием, что через два года пред ним стали раскрываться сакральные знания о витальной силе, той энергии, с помощью которой можно и продлевается жизнь, и оживают покойные. Но была непостижима главная тайна.

Однажды ночью Дитрих прокрался в храм и приоткрыл крышку вазы. В сосуде что-то с шуршанием пересыпалось. Засунув руку, он ощутил нечто вроде песка. Захватил это «нечто» и вытащил. Аптекарь был потрясён: на ладони при свете огней в чаше различался густой буроватый порошок.

– Так это... – Вундерлихт не мог поверить. – Это и есть сердце?..

У входа в дацан послышались шаги. Это входил сторож-гелюнг, который отлучился на минутку. Аптекарь опрометью кинулся к боковому входу, но его заметили. Дитрих успел скрыться во тьме. Захватив лишь необходимое, он бежал из улуса.

«Как часто судьба ходит по кругу, – с горькой иронией размышлял Вундерлихта, пока скакал по безлюдным местам. – Лишь повторяется чуть в ином варианте». Его сердце всё более ожесточалось. Но что не сделаешь ради познания истины! «Хотя кому ты не нужен со своими знаниями, коль они противоречат людскому косному мнению, – терзало его разочарование. – Будь ты хоть семи пядей во лбу! Зато Таушер прогляпил самое главное в научной практике». И уже этим открытие Дитрих гордился больше всего.

Аптекарь решил уехать через Лифляндию в Германию. Там он продолжит свои сокровенные опыты и добьётся нужного результата. Затем... «Я ещё вернусь сюда, – пообещал сам себе Дитрих. – Обязательно вернусь, и Нелли будет принадлежать мне».

Время близилось к девяти вечера. Падал первый снежок, морозило.

Павшук вылез из «девятки» у дома маршрутника. Поёжился от декабрьского холода. Глянул на окна на девятом этаже, где жил оболтус, который по прихоти неведомых сил очутился в центре умопомрачительных событий.

Они заранее созвонились о встрече, хотя Серёга поначалу отнекивался – не желал никого видеть. По заплетающемуся языку журналист понял: маршрутника одолела зелёная тоска.

– Больше слышать об этом не хочу! – уже в прихожей забурчал Фыкин. От него всюду несло перегаром. – Позавчера со мной произошла дрянная история... Ой, неспроста всё это!

– Да расскажи по порядку, – стал успокаивать его Владимир. – Что приключилось-то?

Они прошли на кухню. Там был полный бардак. На столе возвышалась две бутылки – пива и водки. Судя по единственному стакану, парень наслаждался в одиночестве чисто русским коктейлем «Ёрш».

– Ёлки-моталки, – проронил любимое присловье Серёга, – позавчера возле дома делал ремонт «ГАЗельки». Рядом ка-а-к грохнется кирпич! Слетел вдруг с крыши. Обалдеть... Только после понял, что меня спасла случайность, чуть шагнул бы в сторону... – он приподнял штанину.

Владимир увидел здоровенный синяк на лодыжке. Фыкин пояснил:

– Осколком всё-таки задело. А собачник с болонкой недалеко заорал, что видел человека на крыше – тот и кинул кирпич. Вот, лечусь лекарством от всех болезней.

– Кирпич на голову – это, конечно, круто, – поддакнул Павшук. – Но кто ж в тебя его может метнуть? Не призрак же! Сам говорил, Нелли к тебе не равнодушна.

И слегка подначил:

– Вдруг она к тебе не равнодушна? Любовь с привидениями – это вам не фунт лиха!

Серёга недовольно поморщился:

– Чёрт его знает, кто там на крышу залез. Никто не успел рассмотреть. Надеюсь, это в голову взбрело не Нелли. Правда, нутром чувствую, не к добру такие страсти-мордасти.

Фыкин нагнулся и достал из-под стола вторую, нераспечатанную бутылку водки. Грустно вздохнул:

– Что? Дёрнем на двоих?

Журналист поначалу отрицательно помотал головой:

– Не хочу. Хотя...

Пошутил:

– Если только позовёшь Нелли быть третьей за компанию. Сдаётся мне, не зря она нашла тебя. Возможно, в тебе вправду вселилась душа её жениха?

Владимир всё пытался уяснить для себя, кому нужна смерть Фыкина?

Серёга молчком порезал сало и хлеб. Почесав пальцем за ухом, вздохнул:

– Знаешь, как ты рассказал ту дурацкую легенду, взгрустнулось мне что-то. Мается, понимаешь ли, девчонка-то теперь по углам. Неужели не могли по-человечески похоронить? Чего-то не просекаю. И, вообще, как и зачем она покончила с собой, что у них там стряслось? Презанятная история! Сны глупые снятся – никакой Фрейд не расколлет. Будто за мной какой-то старикан с всклокоченной башкой гоняется по лабиринтам. И у меня впечатление, что нет конца в этой истории. Такого, знаешь ли, гм... Окончательного.

– Сдаётся мне, – поддержал беседу Павшук, – дело, как всегда, в любви. Сам подумай, любишь одного, а выходить замуж приходится за другого. Ей какой-нибудь урод попадётся, ему – старуха. Кому это понравится? Какие же они христиане, коли Иисус завещал всем вечную любовь, а не полную безнадёгу.

Однако, уговоры, длившиеся более двух часов, на Фыкина по-прежнему не действовали. Как и совместное распитие за дружбу и взаимное уважение. Не вдохновляли Серёгу посулы о сокровищах, мерцающих где-то в подвалах.

Раздосадованный журналист встал, уже вознамерившись вызвать такси, как хлопнула форточка. Он поднял глаза и оцепенел: сквозь морозные узоры различалось девичье лицо. Оно было бы очень красиво, если бы не отливало потусторонней синевой. «Полный бред! От «ерша» подобные глюки? – завертелся калейдоскоп мыслей в голове журналиста. – По-моему, я сейчас трезвее, чем в нормальном состоянии. Хотя парящих, как у Шагала, девушек ещё не видал!».

Осоловевший Серёга, проследив за взглядом Павшука, вмиг притих. Ещё немного, и он полезет под стол.

На заснеженном стекле стали проступать слова: «Идите за мной...» Затем лицо призрака растворилось в снежных завихрениях.

Пытаясь совладать с ознобом, Павшук произнёс:

– Так ты хочешь узнать конец истории?

Фыкин тупо молчал, уставившись в окно.

Журналист чуть усмехнулся:

– Возможно, никогда больше работать не будешь.

Последний аргумент теперь уже сработал – Фыкин, наконец, утвердительно мотнул головой. И высказал уже дельную мысль:

– Я, кажется, слышал, как она несколько раз произнесла: «Лучка». Так это аж в пятнадцати километрах от Волженска! Я в таком состоянии не поеду – ещё менты тормознут.

– Точно, – подтвердил Павшук. – Я тоже, вроде бы, услышал это название. Но какое отношение этот райцентр имеет к немецкой колонии? Не пойму. Хотя рискнём ради такого случая? Давай выйдем на улицу и посмотрим, что дальше будет.

Они живо накинули одежонку и выскочили в подъезд.

Глубокая ночь полностью завладела городом, и всё вокруг слегка припорошило. Оба осмотрелись. Серёга указал на фонарный столб невдалеке – там колыхалась в тусклом свете тень Нелли. Она определённо указывала рукой, куда ехать... Потом исчезла.

Оба сели в «девятку» и тронулись на выезд из города. Миновали два моста, затем стелу, определявшую границу Волженска. Павшук ехал, как загипнотизированный. Чуть впереди вновь мелькнула тень призрака. Она пронеслась внезапно, молча указывая рукой вперёд и опять неуловимо исчезла.

Журналист бросил взгляд в зеркало: ему показалось, что за ними увязалась какая-то иномарка. Она тянулась в метрах ста от них и никак не отставала. Это насторожило Владимира: «Неужели за нами могут следить? Брось ты! Уже мания преследования из-за этих стрессов». Он решил пока не напрягать Фыкина своими подозрениями. Не то ещё Серёга передумает, и тогда весь план журналиста сорвётся.

На Каспийской трассе машина стала нагонять их, и Павшук напрягся: «Что-то не то. Или я просто перепил?». Вот она обошла их, и журналист заметил сзади шильдик «Мерседеса». Боковые окна были затонированы. «Мерин» прибавил скорости, и постепенно его огни начали растворяться в ночи.

«Показалось, – уже отстранённо подумал Павшук. – Боялся на камеру нарваться, а теперь рванул. И не боится же лететь в такой гололёд!».

Впереди был третий железнодорожный мост, и машина скрылась за его горбом.

Той порой Фыкин в блаженстве размечтался:

– А чё? Вдруг нам призрак покажет, где клад? Скоро Новый год. Накуплю водяры, приглашу друзей, девчонок. Такой шанс гульнуть раз в жизни даётся. Ты обратил внимание: она

стояла под фонарём, а следов нет! И, кстати, я заметил, что днём её вижу только я. Остальные-то лишь ночью призраков видят! Или не все? Крепко же меня треснуло по башке тогда...

Впереди показался пост ГИБДД, но инспекторов не было видно. Владимир вздохнул с облегчением. Он повернул за постом налево, поехал по дороге к Лучке. Призрака нигде не показывался.

– Поедем по кругу, – прошептал Павшук. – Где-нибудь объявится.

Они объехали сонный райцентр. Это было сравнительно небольшое поселение. Внезапно тень Нелли материализовалась совсем рядом и указала на одно из двух зданий – то, что поменьше. Оба дома стояли на отшибе у Волги, и представляли собой одноэтажные строения в старинном русском стиле.

Они вылезли из машины, стали оглядываться. Журналист подошёл поближе к тому зданию, что выглядело побольше и поприличнее, прочёл вывеску:

– Районный краеведческий музей.

Повернулся к Серёге, озиравшемуся в темноте:

– Я понимаю, что не это здание она хочет показать нам, а вон то...

Второе здание было явно хозяйственного типа, оно вряд ли было даже подключено к сигнализации.

Владимир вручил Фыкину ломик из багажника, а сам заходил туда-сюда. Тем временем Серёга принялся живо отламывать амбарный замок на двустворчатой двери. Это заняло всего пять минут. Как-никак ночные авантюристы хотели как можно быстрее заполучить за свои страхи положенные богатства, и поскорее убраться подальше.

Дверь распахнулась, на них дохнуло могильным холодом. Павшук пошарил рукой по стенке, щёлкнул выключателем. Загорелась тусклая лампочка. Кроме разбитых ящиков и ржавого «Москвича» ничего не было. В торце виднелся проём каменной лестницы в подвал.

Владимир двинулся первым, освещая путь фонариком.

Когда они сошли вниз, Владимир всё понял. Это был подвал со сводчатым потолком и стенами из дикого камня – именно так строили гернгутеры. Скорее всего, некий купец из Лучки пригласил немецких каменщиков сделать такой же подвал, как у них. Обследовав помещение, Павшук заметил: в одном углу стена явно разбиралась уже после возведения. Постучал по камням: «Эге, да за стеной пустота!».

– Ковырни-ка тут ломиком, – указал он Серёге.

Тот стал долбить, и глухие удары заставляли немного нервничать Павшука.

Наконец, они отвалили первый здоровенный камень. Из тьмы потянуло сквозняком. Журналист осветил подземный тоннель. Сглотнул пересохшим горлом и прохрипел:

– Она там...

Всего в пяти метрах стоял стол с закрытым саркофагом. Рядом притаился тёмным пятном кованый сундук. Тут же стоял высокий подсвечник и аналой с толстой чёрной книгой. Стены комнаты были отделаны деревом, которое изрядно потемнело и сгнило. Из щели в саркофаге свисала кружевная фата седого цвета, на полу лежал маленький ридикюль с серебряной застёжкой.

– Что-то мне расхотелось туда лезть, – пробормотал Фыкин.

– Кто же на полпути останавливается? – возразил Павшук. Хотя в его голосе не чувствовалась уверенности. Предложил: – Давай расширим вход.

Они провозились ещё минут двадцать. Теперь было хорошо виден ход в рост человека. На минуту Павшук и Фыкин приостановились, прежде чем сделать шаг туда.

Внезапно их пригвоздил к месту свирепый мужской голос:

– Не двигайтесь! Отойдите к стене.

У лестницы темень скрадывала чью-то фигуру. В руке у человека поблескивал пистолет.

«Влипли... – мелькнуло у журналиста. – И это – не полиция. Не известно, лучше это или хуже».

Парочка подчинились приказу, и на свет шагнула рослая фигура. Это был архивариус. Только теперь Владимира осенило: «Он же похож, как две капли воды, на Вундерлихта, которого видел на старинной гравюре. Но как может этот человек соотноситься с аптекарем, жившем двести лет назад?!»

Удовлетворённый реакцией журналиста, Вундерлихт зловеще усмехнулся:

– Изумляет мой возраст? Да, перед вами тот, который изобрёл эликсир бессмертия.

– Не может быть... – прошептал поражённый Павшук. Он вспомнил сцену с Татьяной Михайловной: «Представляю её состояние, когда она заподозрила, что...».

– Ёлки-моталки! – воскликнул возмущённый Фыкин. – Так это вы хотели меня пришибить кирпичом?!

Вундерлихт захохотал и произнёс:

– Чуть ошибочка не вышла – я же не знал, что Нелли хочет тебе отдать сокровища. Ну, хотя золото не самое главное для меня, оно и мне пригодится. Спасибо библиотекарше, рассказавшей о спиритическом сеансе. Что ж, теперь я полностью поведаю, как есть... Ведь иногда людям прямо перед смертью открывается истина, не правда ли? Хотя кому она нужна на смертном одре? Ты слышишь же нас, Нелли?! – закричал Дитрих. Фыкин с Павшуком вздрогнули.

Архивариус указал вглубь подземелья:

– Призрак Нелли скрывается в мумии – ведь ей не уйти в небеса, если в теле нет сердца. И за это она мстила мне. Зато я благодарен доктору Бресслеру за помощь в создании эктоплазмы. Жаль только, что Краутвурст оплатил нам чёрной неблагодарностью. Был брат Йохан, и нет его! И меня хотел убить.

– Так вы с помощью эктоплазмы... – начал догадываться Павшук.

– Совершенно верно! Мы накачали шприцом тело этим воистину волшебным веществом, и Нелли выглядит как живая, заснув вечным сном. Да, мне удалось невозможное: я соединил западную науку с восточной медициной. И по-настоящему овладел сердцем девушки, выделив из него самое эффективное средство для людей, их мечту – эликсир бессмертия.

«О, Боже! – воскликнул в душе Владимир. – Безумец воплотил невероятный кошмар алхимиков – делать снадобья из мумий».

А Фыкин язвительно прохрипел:

– Мумиё... Ё-моё.

– А сердце – вот оно, – Дитрих протянул левую руку с красным мешочком. – Оно тоже обработано эктоплазмой. Если его вложить в тело, то моя невеста оживёт. Правда, была проблема: любящий папаша скрыл последнее пристанище дочери от всех. Пришлось долго искать. Так что, искренне благодарен и вам, – добавил с сарказмом гений зла.

– У Нелли не было счастья, – осторожно заметил Павшук. – Зачем было заставлять её душу маяться?

– Нет! – ослабил сумасшедший аптекарь. – Она – моя невеста. Я оживлю её и увезу отсюда.

Немец больше не церемонился. Он приказал Фыкину под дулом пистолета связать Павшуку руки за спиной. Затем сам связал маршрутчика. Усадил обоих на пол. Уже перед входом в тёмный проём он повернулся:

– Итак, я дождался свидания с моей любимой. А с вами разберусь позже.

Шаги немца по дощатому полу звучали глухо, они удалялись. Внезапно раздался лязг металла и душераздирающий крик:

– Mein Gott!..⁶

Потом беспорядочная стрельба и – более слабые стоны:

– Donnerwetter⁷, а-а-а...

Владимир с Серёгой в ужасе переглянулись. Мёртвая тишина длилась, казалось, бесконечно. Павшук нарушил её, повернувшись к Фыкину:

– Можешь меня развязать?

– Попробую, – отозвался Серёга. – Я слабо завязывал.

Он подполз к журналисту – спина к спине, и стал орудовать пальцами.

Наконец, Павшук, освобождённый от пут, встал и растёр запястья. Внезапно Фыкин прошипел:

– Ти-и-хо! Слышите?

Владимир прислушался. До его слуха донеслись звуки разгорающегося огня. Он заругался:

– Проклятье! По-моему, из-за стрельбы там что-то воспламенилось. Горит сильно! Живо выбираемся.

– А ряжьё?! – завопил Фыкин. – Я не уйду отсюда без клада.

Он рванул в направлении склепа, и Павшук едва успел схватить его:

– С ума сошёл! Посмотри, что там творится!

На фоне кровавого зарева выделялся силуэт Вундерлихта, проткнутого железным рыцарем. Аптекарь словно жарился на вертеле в адском пламени.

Павшук указал на пол в проходе:

– Наступишь на ту широкую доску, будешь следующим...

Фыкин упорствовал:

– Я перескачу через неё! Лучше сдохнуть, чем не прихватить золотишко!

– Ты вообще ничего не добьёшься, если сдохнешь, – возразил Павшук, и этот аргумент заставил Серёгу отступить.

Змеиные языки пламени уже выхлестывали из прохода. Войти внутрь склепа было бы самоубийством. Журналист со смешанными чувствами наблюдал, как огонь охватил уже стол и гроб с «коконом», где затаилось та суть, без коей человек всего лишь скопище молекул... Туда же смотрел Фыкин. Однако мозги Серёги были занята явно другой мыслью. Увы, мечта об обогащении сгорала на глазах.

Пора было убираться. Не исключено, скоро пожар заметят в посёлке.

Сотоварищи по несчастью торопливо выбрались наверх. Невдалеке чернел пустой «Мерседес».

Они подскочили к «девятке», уселись, бросили последний взгляд на горящее здание.

– Не понимаю, почему она не предупредила нас об архивариусе, – промолвил Фыкин. – Призрак хотел нас сгубить?

– Что не понятно? – возразил Павшук. – Твоя подружка всё знала наперёд.

Внезапно в одном из окон склада возник пылающий сгусток, похожий на шаровую молнию. Стекло с треском лопнуло, искрящийся сноп вырвался наружу. Ошеломлённые Владимир и Сергей слышали протяжный то ли на стон, то ли вой, растворявшийся в выси.

– Надеюсь, теперь души двух несчастных, наконец, соединятся на небесах, – прошептал Павшук.

⁶ О, Боже... (нем.)

⁷ Проклятье (нем.)

ЗОВ С ТОГО СВЕТА

Апрельский день был прекрасен. Солнце ласкало природу нежными лучами, от которых пока ещё не было жарко. По голубому океану небес лениво плыли редкие облака. Деревья и кустарник уже принарядились в радующие глаз зелёные кружева. В воздухе витало состояние надежды и лёгкой радости от того, что впереди тебя ждёт что-то хорошее. Соответствующая погодка поселилась бы также в душе, если бы не досадное обстоятельство – дело происходило на кладбище.

Мы с приятельницей шли по неровной дорожке из глинозёма, поглядывая по сторонам. Оказались в здешних, отнюдь не очень весёлых местах по традиционной причине: наступила Пасха. Вообще-то, священники наложили чуть ли не епитимью на посещающих кладбища в церковный праздник: мол, навещать покойных надо в родительскую субботу. Но коли на Руси нравится поминать родных именно в светлую Пасху, тут сам Всевышний бессилён. Родительский день? Так на него ещё нахлынет люд, кто бы сомневался! По крайней мере, для меня был важнее сам факт почитания, чем всякие религиозные условности.

У Галины усопшие родители как раз лежали у центральной аллеи. Мои родственники, отошедшие в края далёкие, из коих нет возврата, находились по соседству. Подруга прибралась у своих пораньше. Подошла ко мне:

– Ты скоро, Юль?

Я уже протёрла памятник влажной тряпкой и подмела возле него. Поправив в вазочке пластмассовую пародию на живой букет, а заодно – юбку, бросила:

– Щас, только мусор отнесу в бак.

После наведения порядка на могилке ещё раз глянула на фото родных, вздохнувши, попрощалась с ними. Махнула Гале рукой:

– Пошли отсюда. Слава Богу, здесь мы пока на правах гостей.

Направились по дорожке к воротам. Вокруг тоже суетились люди, пытавшиеся как бы загладить невольную вину перед умершими примерной зачисткой захоронений. Галина остановилась у ограды из витого металла с массивными цепями. На её лице мелькнуло едва заметное мученическое выражение, что несколько обескуражило.

Внутри обширной площадки возвышались два надгробия, резко контрастировавшие по цвету. Один – из чёрного гранита – громоздился так, что подавлял прочие образцы вокруг; на нём был выбит профиль крепко сбитого мужчины чуть в годах. Судя по физиономии хозяина последнего пристанища, он и тут был не против изображать из себя крутого молодца.

Рядом располагался памятник чуть поменьше, но более трогательный; его сработали из белого мрамора. Две по пояс вырезанные из камня женщины устремились друг к другу, и уже приобнялись за плечи. Покойницы были изображены на верхушке плиты. Ниже с фотографий взирали из того мира в этот два лица, одно из них была явно старше второго. В дополнение к печальной атмосфере разнёсся медленный перезвон колоколов с недалёкой звонницы.

Фамилия на всех троих значилась одна – некие Цыганковы, что мне ни о чём не говорило.

– Знакомые? – поинтересовалась я.

– Ты что, не знаешь этого? – сделала ударение на последнем слове Галина, указав на увековеченного «крутяшку». Она удивилась моей неосведомлённости в местных суете, о которой, якобы, должен знать всяк живущий. Произнесла опять со значением:

– Это же Цыган! О нём в районе кто не наслышан.

Кивнула на белую плиту:

– Рядом – жена и дочь. Смерть их примирила-таки.

– Судя по датам, они в разное время здесь улеглись, – заметила я. И сделала для себя вывод: смерть их соединила не по причине аварии или пожара. Тем не менее, интуиция под-

сказывала: какая-то общая драма прослеживалась в их судьбе. Ужель шекспировские страсти? Во мне разгорелось любопытство.

– Так что случилась, Галь?

– Да плохо ладили мать с дочерью в последний год. Всё мужики виноваты.

– В супруге проблема? – заинтересовалась я.

– Измена?

– Не совсем. Давай быстрее на маршрутку, по дороге расскажу. Сейчас народ на остановку подойдёт, не сядем.

Действительно, на остановке уже вытянулась змея из ожидавших общественный транспорт. Мы фактически оказались хвостом людского пресмыкающегося. Получалось, с кладбища укатим не раньше, чем через полчаса.

Мне всё не терпелось выяснить, что же случилось меж двух ближайших родственниц. Толкнула Галину:

– Не томи, рассказывай историю.

Она печально усмехнулась:

– Да у нас в Красноармейске произошёл тот несчастный случай.

Галя вкратце поведала о происшедшем. И я, действительно, слышала о трагедии на остановке, когда у кинотеатра «Юбилейный» трамвай сбил молодую девушку. Потому высказала некоторую заинтересованность:

– Думала, болтовня какая-то. Вроде, городской легенды. Значит, всё правда?

Галина горько покачала головой:

– Это лишь концовка бабских разборок.

– Причём бабские разборки?! Не темни уж!

– Да там всё очень сложно. Я же крёстная той молодой, что на могиле – Камиллы. Её мать – моя подруга Элеонора, я у неё работала в фирме бухгалтером.

– Так, а муж кто? Вид у него бандюганский, как не пытались его увековечить более интеллигентно.

Я намеренно подколола Галину, однако она даже не повела бровью – видно, для неё всё и так было ясно.

– Ходили слухи, в девяностые годы крышевал торгашей в районе. После остепенился, обратился в цивилизованного бизнесмена. Ему принадлежало несколько магазинов и кафе. Вроде, всё налаживалось, но потом его пристрелили. Небось, слышала?

Вот про это я знала. Чуть ли не стала свидетельницей преступления! Спешила утром на работу через двор в квартале. В полусотне метров раздался звук, похожий на тот, когда мокрую простыню сильно тряхнут. Потом малозаметный парень метнулся за угол здания. Я, ничего не поняв, побежала дальше. Уже в обед слух на работе прошелестел: «Грохнули крупного рэкетира. Говорят, первая пуля попала прямо в крест на золотой цепи. Он дёрнулся, и вторая уже в горло вошла. Туда ему и дорога! Жил он, конечно, красиво, да сдох шустро. Судьба таких типов всегда одинакова».

После моего воспоминания о тех делах десятилетней давности Галина кивнула:

– Перепугались мы тогда: что дальше-то с конторой будет? Притихли и ждём.

Она вдохнула:

– Жаль, машина в ремонте. Надоело стоять. Вот так всю жизнь ждёшь и ждёшь непонятно чего. На свою голову... Потом – бац, и что-то непредсказуемое случается.

На лице подруги вновь возникла тень непонятного для меня противоречия.

– Давай дальше, – напомнила я о главном сюжете. Моё любопытство – что муха: ни мне покоя не даёт, ни другим.

– Элька даже сороковину по мужу не отметила, – Галина отрицательно покачала головой. – Умотала с удовольствием залечивать душевные раны на Бали. После вернулась, загуляла на широкую ногу, будто горя не бывало.

– А кто стал заправлять в фирме?

– Да кто... Вылез на первый план начальник охраны, эдакий задорный, здоровенный брюнет Паша. Кстати, внешне тоже похож на Цыгана.

Зато следствие по убийству руководителя фирмы застопорилось. Подозревали заместителя Цыганкова. Но через месяц его машина сбила насмерть вечером. Не знаю всех подробностей, по-моему, дело закрыли. Хотели, было, повесить дело на начальника охраны, но у него полное алиби! У Элеоноры тоже нашлись свидетели, что она как бы ни при чём. Хотя снимала через меня в те дни крупные суммы, но отчёта – никакого.

– Дальше – больше, – продолжила рассказчица. – Всё на глазах сотрудников конторы развивалось. Видим, спуталась Элеонора с Пашей накрепко. Через три месяца в открытую стали миловаться, мотаться на машине туда-сюда. Как-то заехала в коттедж к Эльке, так гляжу, наш брюнет уже там столуется. Да до поры помалкивала.

В интонации Галины проскользнула нотка ревности, и я мысленно сыронизировала: «Тоже виды имела на Пашу? Такая своего не упустит».

Маршрутки застряли где-то на линии, а народ уже подпирал сзади. В очереди роптали. Зато меня данное обстоятельство наоборот порадовало. Мы чуть отодвинулись вбок, и Галина повернулась ко мне:

– После всё клёво обернулось. Звонит по лету Элька и воет в трубку благим матом. Ничего не соображу, лишь понимаю, что накрыло её по полной программе. Начала успокаивать. Наконец, сквозь рыдания прорывается: «Подонок, я от него такого не ожидала». И что выясняется с «таким».

Обычно Элька обедала рядом с офисом в ресторане. Разумеется, с Пашей. В тот раз секретарь передаёт ей, что он умотал на склады за товаром. Она взяла такси и помчалась домой. Говорит: «У меня будто кошки скребли на душе, только не понимала, от чего». У неё, кстати, коттедж в посёлке Волго-Донского канала. Звонит в калитку. В ответ – тишина. Она ещё звонит.

Возникает в калитке взъерошенная Камилла. Эльке ей: «Ты что, до обеда дрыхла?». Та смущённо бормочет: «Меня Паша сейчас разбудил». Они шли по дорожке к дому, и Эля видит своего помощничка на пороге. Настораживается: «Ты чего здесь?». Хотя вопрос начинает звучать слегка глупо. Паша тоже мнётся: «Заскочил на минутку. Камилла просила отвезти в магазин». Элька мигом заскакивает в спальню дочери и замечает у кровати разорванный пакетик из-под известного с советской поры изделия №2. Ах вот какой магазин!.. «Что ж ты, доченька, даже не замазала следы?!» – вырвалось у неё. И Пашу припёрла к стенке: «Чего полез к моей дочери?» Он и выдал: «А что? Она ласковая, как кошка. А ты никогда со мной не была по-настоящему нежна».

Рыдала в трубку Эля, а я думала: «Ты, кума, всегда грубовата была, точно прапор в отставке». Она из тех фифочек, которые любят фуфыряться для улицы, а в доме сплошной бардак, что не пролезешь!.. Не зря позже Цыган прислугу нанял. Камилла, напротив, была нежной пай-девочкой, хотя себе на уме. Мы в офисе, честно говоря, даже не подозревали, что она такой изумительный фокус вывернет. И её папаня тоже ласково с женщинами обходился. Все даже завидовали Эльке и удивлялись: в тюрьме что ль курсы есть, как окрутить девушку? Впрочем, такой мужик как приз – не всякому достаётся, у женщин ведь своя конкуренция. В общем, устроила Эля этим ахальникам трамтарарам, и они с треском вылетели из коттеджа.

Подъехала маршрутка, и очередь перед нами значительно уменьшилась. Я выжидающе глянула на Галину, понимая, что среди людей она вряд ли будет откровенничать. Ненавязчиво подтолкнула:

– Скоро следующая маршрутка подъедет.

В карих глазах Галины появилось замешательство. Словно ей стало неприятно тянуть дальше нить из клубка прошлого. Она чуть помедлила и продолжила:

– Приехала однажды Камилла, стала жаловаться. Мать разом обломала её с деньгами. Девочка привыкла шиковать, а теперь ей ничего не светило в перспективе. И Пашку с работы Элька погнала. Он ничего толком не умел делать и нигде не мог пристроиться. У крестницы с ним начались потихоньку скандалы.

– Признаюсь тебе, Юля, честно, – обратилась ко мне Галина, – консультировалась я у знакомого психолога в медцентре «Salutem». Хотела помирить мать с дочкой. Он со встречным вопросом: «Элеонора точно любила мужа?». Тут я выдала тайну подруги: «Трудно понять. Делилась со мной: у неё непонятная тяга к Цыгану – как к своему отцу в детстве, которого любила и ненавидела одновременно. Всё хотела заслужить его расположение, чтобы он после её баловал. Так я спрашиваю доктора: «Что из этого выходит?». «Пусть приходит к нам, – отвечает. – Сама не справится с проблемой». И пояснил, показав цитату из книги знаменитого психиатра: мол, ближайшие родственники – часто наиболее вероятные жертвы преступления родного им человека, так как вызывают самые сильные чувства, в том числе агрессию. Я тогда покачала головой в недоумении от дикого парадокса: ничего не напутало умное «светило»? Ты же знаешь этих лучших друзей шизиков и алкашей: ты им пожалуешься, они тебе сразу диагноз! А доктор настаивал: «У вашей подруги комплекс Медеи, когда ненависть на супруга переносится на детей, коли они больше любят отца». И опять настойчиво попросил обратиться к ним. Ушла я от того психолога в смутном беспокойстве. Да, мы многое понимаем позже, когда уже поздно».

Уже зимой Камилла опять наведалься ко мне. Мы отправились в оранжерею, погуляли среди моих экзотических любимцев. Она всё плакала: «Мать возненавидела меня хуже всякого врага, не пускает в дом». Я тогда осторожно отодвинула девочку от одного красавца с листьями сердечком: «Не прикасайся к нему – его яд проникает даже через кожу. И ягодки любого отправят в преисподнюю». В самом деле, это выющееся растение считается очень опасным. Тут Камилла выдаёт: «Во-во, у меня что-то наподобие с Пашей». Я оторопела: «Ты о чём?». Она вся покраснела, и я не выдержала: «Признавайся уж! Мы взрослые женщины». Она прошептала: «У меня после секса бывает состояние, как отравление, понимаешь, рвёт иногда». Вот те нате, чёрт из-под кровати! Я с такими вещами никогда не сталкивалась. Засмеялась и говорю: «Остаётся молиться, чтобы мать хотя бы завещание на тебя составила. Только ждать тебе этого, не дожидаться». Затем оставила Камиллу по какой-то причине – уже не помню – одну в оранжерее. Помню лишь, крестница странно выглядела, уходя от меня.

Следующим летом узнаю о несчастье: умерла Эля. Мы с ней мало общались, её одолевала в последнее время непонятная хворь – врачи то один диагноз ставили, то другой. А куме всё хуже! На похоронах вновь встретилась с крестницей, в кафе на поминках сидели рядом. Камилла поделилась печальной новостью: «Тётъ Галь, я Пашку бросила. А он взял и кинулся по пьяни с третьего этажа». Я тогда даже перекрестилась в испуге. Но она успокоила: «Выжил – упал на козырёк подъезда, сломал позвоночник. Лежит в больнице». И мне немного полегчало на душе.

У Галины сорвалось с языка:

– Вообще-то я думала, что ничего они обе не понимают в настоящей любви. Когда вот так сердце без причины захолонёт от взгляда на главного человека в твоей жизни...

А ягодки оказались впереди! В августе крестница звонит в очередной раз и ошарашивает: «Мама приснилась. Стоит у могилки, протягивает две красные гвоздики и так жутко произносит: «Приходи завтра к кинотеатру «Юбилейный», хочу свидеться на с тобой. И возьми эти противные цветы, один цветок отдашь своему папе».

Я спрашиваю: «Может быть, на кладбище она сказала поехать?». Крестница тогда растерянно прошептала: «Да нет, именно так сказала. У неё же завтра день рождения. Но поедem всё-таки к ней на могилку».

Правда, мы обе не поняли, почему всего два цветка привиделось? Я подумала и решила сделать фортель: купила четыре гвоздики, чтобы обоим покойникам досталось, как и положено, чётное количество. Мол, от себя положу пару цветочков.

Встречаемся на следующий день в обед на остановке. Бледную Камиллу трясёт, словно осиновый лист. Я ободряюще улыбаюсь, хотя внутри было беспокойно. «Не бойся, – говорю. – Я же с тобой». И она мне тут сквозь слёзы открывается: «Крёстная, меня следовательно повторно вызывает. Обвиняют, что я отравила маму. В её организме нашли какую-то дрянь ядовитую». Я тогда отмахнулась и заторопила девочку на такси.

Но Камилла вдруг дёргает меня за рукав: «Мама у «Юбилейного» стоит». Я аж оцепенела! А она упрямо показывает в сторону кинотеатра: «Вон машет мне...». У меня зрение не ахти, поэтому вижу вдаль паршиво. Вроде как фигура в белом, похожая на Элю, маячит. Или померещилось от жары? Не успела ничего понять, как крестница бросилась через рельсы за трамвай. Следом страшный вопль! По второй линии встречный вагон катил, и с размаху ударил Камиллу. Она отлетела метра на три.

Поднялся шум, крик. Я подбежала ещё с надеждой. Из головы девочки хлестала кровяца, народ суетился, а у меня в мозгах всё вертелось: «Вот и встретились. Не нужно к следователю».

Подошла маршрутка. Мы втиснулись с остальными в тесный салон. Молча докатили до остановки «Кинотеатр «Юбилейный». Вышли с Галиной тоже вместе. Я бросила взгляд примерно туда, где случилась трагедия. Представила, как лежали Камилла и разбросанные цветы. Меня передёрнуло. «Бедняжке, наверное, показалось после ночного кошмара, – сделала я предположение. – А в таком состоянии чего только не натворишь!». Однако монумент моего безверия слегка заколебался под влиянием подземного гула.

Мы двинулись по проспекту в сторону высотки Галины. В следующем доме жила я. И впервые подумала, что, мы знакомы с подругой лет пять, а в гости она никогда не звала. Она вообще была очень замкнутой натурой.

Дошли, стали прощаться. Я случайно посмотрела на окна её квартиры на первом этаже. Мне показалось? Там мелькнул силуэт. По движению угадывалось, что это – человек в инвалидном кресле. Он быстро отъехал от окна. Галина тронула за рукав, словно хотела, чтобы я отвлеклась:

– Ну, до встречи на работе.

Озадаченная, я пошла по проспекту. «Неужели... – пульсировало в мозгу. – Неужели любовь бывает так сильна? Не верю». Я не знала толком ответа. Перед моим взором по-прежнему только беспомощно валялись на асфальте гвоздики, похожие на пятна крови.

АФРИКАНСКОЕ ДЕЖАВЮ

*Мистический триллер-дилогия
(основано на реальных событиях)*

Часть I. Глаза чёрной любви

Глава 1

– Расскажите, пожалуйста, с чего всё началось? – седой психотерапевт Игорь Роднев пронизывал взглядом сквозь очки в тонкой оправе. Он понимал, что без установки доверительных отношений с пациентом дальнейшая терапия бессмысленна.

– Повторюсь, – сказал доктор и выдержал паузу. – Я не собираюсь влезать во все подробности вашей жизни. Но вы должны понять, что касается конкретного случая, нужно быть вполне откровенным. Иначе я не смогу помочь вам.

Рослый, сорокадвухлетний Хазаров сидел в кабинете врача и молчал. Пальцы его правой ладони отбарабанили дробь по столу, и Роднев отметил: «Он из тех, что привык сам решать личные проблемы. Но видно, его сильно прижало. Вон как озадаченно потирает аккуратную бородку».

Собравшись с мыслями, бизнесмен произнёс:

– Вы требуете почти невозможного. Я более откровенен с моими друзьями, чем с собственной женой. Но то друзья! А вот жена...

Роднев мгновенно уловил – речь идёт всё о той же проблеме, которая волнует любого в той или иной форме. Чтобы не говорили критики Фрейда, она остаётся всё тем же золотым ключиком, которым открывается потайная дверца в психику высших приматов. И пациенту явно есть что скрывать от благоверной. Впрочем, не стоит торопиться – надо лишь подвести его к нужному выводу.

Психотерапевт приподнял вопросительно брови:

– Ну и?.. Мне нет смысла передавать что-то вашим родственникам, ибо тогда моя работа и реноме окажутся под сомнением. Как говорят в подобных случаях, даже такой миллионный город, как наш, спит под общим одеялом. Потому ваша супруга получит от меня строго дозированную правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.